Центральный парк в шесть часов был ещё скучноватым, и подруги решили начать с кафешки. Пока усаживались в «Итальянской кухне», происходила настройка. Болтали о чём попадя, вплоть до того, что листья на деревьях, вот они, тронулись желтизной, и осень не за горами, хотя жара никак не спадёт. Устраивали сумочки, вчитывались в меню.

Заказать надо было дёшево и вкусно. Для Светланы Ивановны просто дёшево, для Альбины просто вкусно. Но Альбина была в рамках возможностей Светочки. Это всегда было проблемой: Света не терпела, когда за неё платили, а заказывала скупо. И Альбина из-за этого не могла заказать ни ей, ни себе, то страстно желаемое, на что падал алчущий взгляд гурмана и обжоры в женском варианте, а только такое, которое хотя бы близко соответствовало по цене тому, что выбирала Света.

Альбина изворачивалась, как могла: заказывала общие салаты и потом настойчиво предлагала подруге: «Ни за что, сама всё не съем». По два пирожных, второе из которых

---

* Окончание, начало в № 4, 2017 г.

скармливалось правдами и неправдами Светочке: «Ой, я была так голодна, вот и набрала, ну что теперь, оставлять? Давай, выручай!» Если подход оказывался верным, Света проникалась проблемой и уплетала предлагаемое, в виде одолжения, разумеется. Но не дай бог, предложение поступало как-то шероховато, и подруга замечала фальшь, тогда наступал кошмар: заставить съесть хотя бы крошку чего-то лишнего не представлялось возможным, вплоть до того, что заказ оставался на столе, не в сумочку же класть зыбкое и жирное пирожное.

Сегодня, кажется, всё шло более-менее удачно. Светочка, ничтоже сумняшеся, заказала зелёный чай без сахара и блинчики без сметаны. Альбина – кофе Латте, салат Цезарь, пасту Карбонара со сливочным соусом и беконом, две порции. Когда макароны появились, Света вскрикнула:

– Ой, я же хотела макароны, – вытащила из сумочки двести пятьдесят рублей, кинула Альбине (для Альбины в таких случаях было без вариантов) и притянула огромную белую тарелку, в середине которой приличной горкой лежали макароны, к себе.

Альбина, вздохнув: «Эх, не получилось угостить подругу», придвинула к себе свою. Обе замерли и напряжённо посмотрели друг на друга. Когда пауза стала достаточно долгой, чтобы про неё подумать «затянулась», кто-то из них сказал:

– Может, по пятьдесят?

Кто это сказал, было совершенно не важно. Каждый раз один говорил, другой ответствовал. Важен был момент, потому что он был так сказать решающий, преломляющий. Именно от него зависело, что будет дальше: или задушевная беседа, или ничего не значащая болтовня о погоде и сплетни, или разгульное веселье, или протокольное мероприятие: поели, погуляли, разошлись. Исход момента зависел от чего-то

такого, ну просто на грани судьбы-планиды. Вот вылетит из ответчика: «Нет-нет, я не пью, ты же знаешь». И – всё, второй вариант приступил к своему воплощению. Ну, а если:

– А, давай, но только по чуть-чуть!

Это прозвучало сегодня, и подруги, облегчённо вздохнув и смущённо чему-то захихикав, как школьницы, даже с соседних столиков заоборачивались, стали по очереди махать официанту, чтобы подошёл получить заказ.

6

Конечно, жизнь удалась. Это стало понятно сразу после того, как подруги вышли из «Итальянской кухни». Чувство удовлетворения было запредельное. Погода – отличная, хотя ветерок наглел. Разгорячённые тела и затёкшие от долгого сидения члены требовали движения. Но главное – души. Они хотели простоты, после глубочайшего погружения в философические лабиринты жизни. И чего-то разгульного и хулиганского, для полного всплытия, так сказать из этой океанской глубины на поверхность банальной и ироничной реальности.

Очень кстати для этого на другом конце парка заиграла музыка. Огромная, магнетическая сила, исходившая от неё, потянула два совершенно размагниченных, поначалу, тела к себе. И очень скоро Альбина Вадимовна и Светлана Ивановна оказались на почти пустой площадке перед сценой, на которой четыре-пять музыкантов, изображая оркестр, издавали на своих инструментах ритмические звуки, которые так точно совпадали сейчас с ритмами, звучавшими в душе обеих дам. Ситуация была та самая, патовая, когда рота солдат шла по мосту и сильные мощные колебания строевого шага резонансно совпали с колебаниями моста. Тогда бедолаги рухнули в бурлящий внизу поток.

Альбина Вадимовна со Светланой Ивановной ещё держались, но резонансная сила уже забирала их в свои кл*е*щи. К тому же после слёзного и болезненного выворачивания душ наизнанку и двух по пятьдесят (дамы не злоупотребляли, но сегодня пошло) маятник души резко и непредсказуемо качнулся в противоположную сторону. И её, душ*и* рыдания, сменились пока ещё сдавленным, пока ещё беспричинным, но упрямо рвущимся во вне хохотом. Да, да, не смехом, не весельем каким-нибудь, а именно хохотом.

Сначала мычать стала Альбина Вадимовна, за ней прыснула Светлана Ивановна. А потом произошло чудо. Они обе… исчезли с поверхности планеты на какое-то мгновение…

Неизвестно, заметили ли это окружающие, а их становилось всё больше. На звуки музыки подходили прогуливающиеся в парке люди. Подошла группа пожилых людей, хорошо знающих друг друга. Они отличались от всех остальных какой-то странной, но приятной манерностью. Пожилые дамы были причёсаны, немногочисленные кавалеры галантны. Невольно приходила мысль о портале, который, возможно открылся где-то тут поблизости. Вот и засосало эту группу милых старушек и старичков прямо из девятнадцатого века в наш бренный двадцать первый. Впрочем, всё оказалось гораздо проще. Кто-то знающий в толпе пояснил, что явился в полном составе известный в городе танцевальный клуб: «Для тех, кому за пятьдесят».

Танцевальная площадка заполнялась, но две почтенные дамы, ярко и даже претенциозно, по крайней мере одна из них, одетые, исчезли. А через мгновение появились две девчушки… нет, девушки… да ладно, две молодые, красивые женщины среднего… скорее, бальзаковского возраста! И на них тут же все обратили внимание!

Но сначала ситуацию в свои руки взяли «запятидесятилетники». Руководитель клуба, самая молодая из старушек,

сделала знак рукой оркестру, (видно, подвязки были), и полились чарующие звуки вальса. Старушки и старички, без комплексов, шустро разбились на пары, и… нет, не «понеслись в вальсе», куда им в их возрасте, но они поплыли в танце. Хотя некоторые и поползли. Впрочем, получалось это у них, хоть и не скоро, но споро. Заученные правильные «па» выдавали достаточно упорную работу, проделанную руководителем клуба, а также самими танцорами, над становлением этого замечательного танца теперь уже всех народов. Танцоры почти не задыхались. Те старушки, которым не хватило старичков, танцевали в однополом варианте.

Парк жил и пульсировал. А две молодые женщины бальзаковского возраста, волею судеб явившиеся прямо в середине вальсирующих старушек, подхваченные мелодией, парили где-то выше общей плоскости танцующих. Нескорый ритм, взятый танцевальным клубом, их сбивал, он не совпадал с вальсовым мотивом, предлагаемым оркестром. Им не хватало разворота, и нужно было подняться в пространство, свободное от чужих боков, рук, ног, рыхлых, неприличных размеров, поп, о которые бились их белокрылые, только что прошедшие чистилище души. И тогда они взялись за руки и закружились на месте. Потом задрали головы к небу, и Альбина, вскинув руки, крикнула ему, горячо и искренне:

– Господи, как хорошо!

Это было второй раз в её жизни. Первый раз она прокричала именно эту фразу лет двадцать назад, когда вышла на ступеньки крыльца здания районного суда в четвёртый раз, то есть после развода с Анатолием-Толяшиком. Злой, как чёрт, он промчался мимо неё, нечаянно-специально толкнув на прощание плечом, сел в свою крутую тачку, нервно газуя и испытывая терпение охранников, лихо развернулся перед административным зданием и умчался навсегда из её жизни.

Альбина постояла ещё немного на крыльце, а потом, перед тем, как спуститься, томно подняла руки над головой и… посмотрела в небо. Оно было светлым, без единого облачка, и Альбина, прямо, как теперь, всей душой, крикнула в небо вот эту самую фразу: «Господи, как хорошо»! Но Альбина теперешняя ещё добавила:

– Светка, держи меня!

После чего картинно, она же артистка, обернулась к оркестру и взмахнула рукой:

– Стоп! Стоп! Стоп!

Оркестр, которому и так пора было завершать тему, умолк. И в наступившей тишине послышалось задорно-залихватское:

– Цыганочку… можешь?! Кл*е*щи хрустнули чем-то мягким и податливым. Наверное, именно такими были сейчас души двух женщин. Они попали в резонанс и обрушение моста всё-таки произошло. Но оно было по-настоящему красивым. Потому что красивым может быть не только созидательный процесс, но и разрушительный.

Вниз, в сверкающий поток вечерних огней, запахов, чувств, летели обломки ажурного ограждения моста, долго, как в замедленной съёмке. Потом трескался настил, раскалывался на части, расходился, как вафля, ломаемая в пальцах. Куски летели тоже куда-то вниз, один за другим, поначалу как бы соблюдая порядок, рисунок, законы полёта. Но процесс ускорялся, убыстрялся и, наконец, на последних нотах этой вечной, цыганской, раздольной, сумасшедшей: «Я люблю – тебя… потом ты – меня…» Альбина упала на колени, откинулась назад и полные, всё ещё красивые груди, как волны моря во время прилива заходили под тонкой батистовой тканью.

Мост рухнул. Глыбы, вошедшие в воду потока, подняли тучи брызг, за ними пошёл девятый вал, в торжествующем

шуме которого раздался звук, напоминающий стон Альбины Вадимовны.

Светлане Ивановне, которая тоже питала слабость к «цыганочке» и тоже умела её танцевать (не хуже артисток самодеятельных театров) в триумфальном танце цыганки-примы, досталась скромная роль плясуньи второго плана, и эту роль она сдержано-достойно исполняла. Однако она мгновенно просекла ситуацию, что «прима» не может сама подняться с колен. Красиво подлетев к подруге, она галантно (как из другой оперы) подала бедняжке руку, осторожно потянула на себя, сильнее, ещё сильнее и, когда та была уже в положении «стоя» и стало понятно, что танец достойно завершён и вокруг них слышались бурные несмолкаемые аплодисменты, на молодых женщин бальзаковского возраста напал, наконец, настоящий хохот.

7

Альбина Вадимовна лежала в кровати, мечтала о кофе и вспоминала вчерашнее. Как хохочущие, они прощались на автобусной остановке. Как от смеха она никак не могла влезть в автобус. Как долго ещё улыбалась, до самой своей остановки. Даже пассажиры, глядя на неё, улыбались себе: вот ведь хорошо бабе. Потом ехала в лифте и нагло пялилась на себя в зеркало (лифт был с зеркалом и свет не очень ярким) и строила ему рожи.

«Дура, ещё рожи строила», – неожиданно осудила себя Альбина Вадимовна.

Как, зайдя домой, долго ещё остывала от триумфа. А триумф был, ведь цыганочка – её конёк.

«А я ведь блистала… – снова подумала Альбина Вадимовна, – как когда-то… Господи, как хочется кофе, надо вставать».

Но легко сказать – вставать. Голова была тяжёлая, как с серьёзного похмелья, глаза заплывшие, трудно открываемые. Но похмелье было не от двух рюмок коньяка. Просто за триумф надо платить. За него она платила всегда, и вчера не было исключением. Потому что эйфория, это такое состояние, которое склонно переходить в свою противоположность, по крайне мере, в её случае.

Поначалу возбуждённый, далёкий от реальности, мозг Альбины Вадимовны подбрасывал ей вполне оптимистические, хотя и расплывчатые образы красивой, всё ещё молодой, чуть-чуть только в возрасте, женщины. Образы проплывали, конечно, в её зеркалах. Она даже движения танцевальные – «очи чёрные» – в них проделывала. Но вспомнила, некстати, как не смогла встать там, на площадке, как чуть не опозорилась. И опозорилась бы, если бы не Света. Почему-то на этот раз смешно не показалось. Нет, показалось смешно… а ещё глупо: старая дура, а туда же.

«Точно, дура!» – и сейчас согласилась с собой вчерашней Альбина Вадимовна.

«Всё, это внутренний голос заныл», – сказал ей внутренний голос вчера. И надо же было именно в этот момент Альбине проходить мимо коридорного зеркала. Уже не особо желая этого, машинально, она заглянула в него. И… остолбенела, настолько разительно быстрой была перемена. Как будто пелена спала, и образ проступил отчётливо, со всеми своими мелкими морщинками, вдруг проявившимися сквозь осыпавшуюся пудру, немолодым телом, (костюм-то сними уже) и уставшей душой.

Но ужас был не в этом. А в том, что она увидела, почему это произошло. В самый первый момент, когда она только обратила взгляд на стекло, в течение малого мгновения, она видела себя всё-таки прежней. Но уже в следующий

миг случилось что-то непостижимое. У неё на глазах образ, который она так трудно, так упорно создавала сегодня, раздвоился, и из него, цельного, вышла та самая, молодая, всё ещё сильная, и… не оглядываясь, пошла вдаль зазеркалья. А потухшая, полупрозрачная, как промокашка, чёрно-белая, седая и уставшая, осталась.

Потрясённая Альбина Вадимовна, качаясь и держась за стены, тихо проползла в спальню. Но и там её ждало испытание. Уходя, она забыла выключить бра над венецианским чудом. И оно горело целый день, горело и сейчас. Но даже оно, венецианское, милосердное, сейчас не захотело ей солгать. Альбина Вадимовна выпрямилась, долго скорбно всматривалась в бесцветный образ, маячивший в стекле, потом произнесла почему-то вслух, серым дребезжащим голосом: «Хорошо Свете, она и сейчас любит… Он – в могиле, а она – любит!!! А мне-то что с этим всем делать?» И, зарыдав, упала в подушку! «Дура! – в третий раз продекларировала Альбина Вадимовна. – Вот и голова теперь болит и глаза, как две фары!»

«Ничего удивительного, бог троицу любит, – оправдал её внутренний голос. – Иди уже, вари кофе, да осторожней с зеркалами».